

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

РАЗМЫШЛЕНИЯ У ТЕЛЕЭКРАНА

ПРИКОСНОВЕНИЕ
К ПУШКИНУ

СОВСЕМ пустым и совершенным неготовым приступить к разговору о Пушкине — безнравственно. Не могу я сейчас при всем желании обратить себя в чистый лист и лишь прилежно стенографировать приобретенное и воспринятое в работах, сделанных за последнее время телевидением на пушкинскую, как принято выражаться, тему. Хотя разветвление этой темы заставляет представить географическую карту с ее реками и морями, сложно, но и неуклонно сообщающимися между собой.

«Моих знаний о Пушкине не больше, чем у любого русского человека», — говорит в начале фильма «Дома у Пушкина» Дмитрий Сергеевич Лихачев. Что это: скромность человека, не считающего свое, несомненно, глубокое (в чем фильм нас убеждает) знание исчерпывающим?

Может быть. Но при душевном содействии человека, ныне кажущегося нам хорошо знакомым, мы совершили ощутимое внутреннее движение к живому Пушкину.

Темперамент рассказа рожден спокойной и несокрушимой уверенностью ученого в том, что близость к Пушкину любого человека — необходимость (необходимость и для данного человека, и для всего общества, где живет он и действует).

И оттого так благодарны отклики на этот фильм и вообще все передачи телевидения о Пушкине. Отклик, на который вправе рассчитывать те, кто обратился от имени Пушкина к нам и к себе с вопросом самого поэта: «Что в имени тебе моем?».

Сразу оговорюсь, что в моменты просмотра волновали своим замыслом и соприкосновением с темой и те фильмы, что в дальнейшем рассмотрении отодвинулись как бы на второй план.

Мне кажется, что во всех случаях авторы рассчитывали, надеялись на непременное присутствие Пушкина, а иначе как же? Как же иначе вступать в работы такого вот ответственного предназначения? Но что подлаешь, если далеко не всегда парадоксальность оказывалась оправданной, не всегда именно запальчивость самовыражения приближала к Пушкину.

И, напротив, в работах с менее отчетливой тенденцией, в работах, тяготеющих к традиционному использованию телевизионных приемов, аргументация представляется более выстраданной.

Общепринятая форма оказалась мне наиболее льготной для того нового, приближающего к Пушкину, что удалось высказать авторам фильма «Дома у Пушкина» и автору двух передач «В мире пушкинской поэзии» профессору Юрию Михайловичу Лотману.

Две эти передачи проходят по номенклатуре учебной программы, но не будем торопиться ставить их ступенькой ниже, чем фильмы.

Однако передача переходит в ранг фильма не без борьбы: в работе с участием Лотмана заметна борьба его против разнобразных «подпорок», предусмотренных, правда, в написанном им же сценарии. А в итоге рассказ Лотмана — как бы

фильм внутри передачи. Фильм этот у нас на глазах подчиняет себе передачу. От всего увиденного в памяти остается профессор в кадре, ни разу не изменивший статичности позы.

Нет, не так: возникает Пушкин в подробностях жизни своей, Пушкин, сопровождаемый корректно, почтительно, влюбленно, но без робости полужнания истинным пушкинистом.

Предполагаю, что постановщики боялись лекций в чистом виде. Но не будем забывать, что лекции любимых профессоров всегда спектакль. А вот теперь — и фильм.

Юрий Михайлович в любимых публики не метит. Он знает цену силе знания. Отсюда доверительная стройность его речи, доверительная и к самому предмету рассказа, и к невидимой аудитории.

Подтвердилось мнение, что между актерским исполнением и пониманием звучащей плоти стиха специалистами литературы существуют серьезные расхождения. Пушкинские стихи, звучащие за кадром, не возвращают нам, не сохраняют той необходимой для общения с Пушкиным сосредоточенности, которая создается строем речи знатока.

АКТЕРЫ издавна обижаются на скептическое отношение специалистов к их умению владеть пушкинским словом.

Достаточно вспомнить, как еще до войны приглашенный для консультации в театр авторитетнейший пушкинист Сергей Михайлович Бонди с простительной фанатикой своего дела непосредственностью заявил, что никто из драматических артистов не умеет читать стихи Пушкина, и как шокированы, озадачены были прославленные актеры.

Специалисты предпочитают прочтение, верное автору по звучанию стиха, актерскому исполнению — по-бытовому расцвеченному, по законам прозы развивающемуся.

Фильмы телевизионного пушкинского цикла заставляют думать, что актерское чтение стихов, да и сцены из спектаклей, и даже излишне щедрый зрительный ряд ничего существенно не прибавляют той тональности, что найдена и задана знатоком предмета. Достоверной тональности, происходящей из иного, чем театральный, артистизма, которым одарены в общем далекие от театра люди, хотя и близкие по духу его художественным идеалам. Потому что не может быть чуждым театру пушкинист, когда существует драматургия Пушкина. Но много ли припоминается удач на пути к Пушкинскому, подлинно Пушкинскому театру?

Близость к Пушкину — и при выдающихся актерских данных — не сыграешь в работе, где основа факт. Факт требует особого обращения, особой осторожности соприкосновения.

Не знаем, что сказать сегодня с уверенностью про театр и кино, но их телевизионный собрат, опирающийся на драматургию факта, доверившийся ей в удачах пушкинского поиска, выдвинул и обрел людей, словно нарочно созданных для строго научного, но ни в коем случае

не наукообразного, не скучного пушкинского экрана — Дмитрия Лихачева и Юрия Лотмана. Проторенная ими в телевидении тропа должна привлечь и талантливых ученых последующих поколений.

ИНТОНАЦИЯ обращения к Пушкину... В чем ее тайна? Кому подвластной станет эта интонация — этот путь к Пушкину?

Не тем ли, кто будет помнить, что Пушкин прост, как позволено быть только Пушкину, и сложен только так, как ему, Пушкину, назначено свыше? И что ему, наверное, единственному даровано в такой мере сопряжение простого со сложным. Сопряжение в нем двух полюсов, естественно, изначально — похоже, он специально и не стремился ни к одному, ни к другому. Они существуют для него органически — в единой шкале вдохновений и нужных ему для счастья в работе бессонниц: «...Небрежный плод моих забав, Бессонниц, легких вдохновений, Незрелых и увядших лет, Ума холодных наблюдений и сердца горестных замет».

Не отсюда ли энергия пушкинской поэзии и прозы, концентрированность драматических произведений, что так озадачивает их интерпретаторов?

Мне показалось, что талантливый Петр Фоменко, определив удобный для выбранной им манеры эстетический круг, с небольшим изяществом, с известной тонкостью, замедляющей, однако, развитие действия, поставил свою — не станем возражать: свою, не пушкинскую «Метель», поставил ее около пушкинской, как нарядный флигель рядом с домом.

Любопытно, что принятый Фоменко тон — «Метель», как известно, написана болдинской осенью — не согласуется с атмосферой картины «Болдинская бессонница», сделанной Горьковской студией телевидения. В этой картине все пронизано непроходящей трагичностью приписываемых Пушкину мироощущений.

Любопытно, что и консультировавший «Бессонницу» Лотман в другой работе пушкинского цикла — в телевизионном альманахе говорит, что при всех бытовых тяготах Пушкина, которые тот и не собирался скрывать, «...остается от биографии Пушкина светлое воспоминание. Как сказал Блок: «Веселое имя Пушкин...» Пушкин легко нес бремя поэта, хотя это бремя отнюдь не легкое, судьба поэта трагическая... А Пушкин нес ее легко. Почему? Потому что и жизнь была для него творчеством».

Никто, однако, не отнимает у авторов «Болдинской бессонницы» (режиссер Ю. Беспалов) права на свое толкование, где безотрадное преобладает, в конце концов они оперируют фактами, не подлежащими сомнению, приводят подлинные письма.

Среди авторов фильма-эссе, фильма-монолога (как обозначено в аннотации) и один из виднейших советских актеров Иннокентий Михайлович Смоктуновский.

Насколько легче было бы произнести: в роли автора... Все мгновенно встало бы на свои места, и мы с привычным

предчувствием чуда, события или же работы намеренно спорной ждали бы новой встречи с артистом Смоктуновским.

Актер бывает автором роли — не так уж редко мы с этим сталкиваемся.

Но актер — автор фильма, где исследуют едва ли не важнейшие для всей биографии Пушкина дни?

Хотелось бы уточнить для себя обратный адрес. Кем будет здесь знаменитый артист? Исследователем? Или сыграет исследователя? Если лишь сыграл, зачем ему тогда авторство? Может быть, он рискует в болдинских стенах сыграть саму пушкинскую бессонницу? Проникнуть в процесс стихосложения? А реально ли это?

Фильм Смоктуновского, претендующего здесь на большее, чем артистическая удача, проигрывает в серьезности, да и в эмоциональном, как ни странно, воздействии, когда выходит на сравнение с фильмами ученых, для которых литература и Пушкин в ней — не захватывающий эпизод или ослепительный фрагмент творческой биографии, а целая жизнь неустанного исследования и постижения.

Удачные мгновения «Болдинской бессонницы» приоткрывают иную перспективу...

«Дома у Пушкина» — в названии слышится эхо пушкинского имени. Имени, которое входит в нашу жизнь и буднично, и празднично.

Создатели картины о пушкинском доме (режиссер Дмитрий Чуковский, оператор Марина Голдовская, редактор Татьяна Земскова) сознательно избегают экранного о себе напоминания, сознательно отступают в тень. Но в отступлении этом — воля и художественный такт.

Воля и в выборе ситуации, давшей возможность прикоснуться к важному в жизни Пушкина в обстановке непривычной, неожиданной — в момент ремонта здания музея.

Какой потерей были бы для нас съемки фильма в нормально функционирующем доме. Без подобной пластической распахнутости, без обнажения до первозданности стен комнат пушкинского жилища не так произительно по искренности и смыслу прозвучали бы, допустим, слова Лихачева о неразрывности чести поэта и чести поэзии. И много других удивительных мыслей и слов, которые большой соблазн процитировать как камертонные, но удача-то, успех в том и заключаются, что ничего выпадающего из камертона общего — верного и высокого — звучания в этом фильме нет.

Позволю привести в заключение лишь слова Лихачева, где мудрость соседствует с прекрасной наивностью, которая роднит ученого с не знающим предела мечте ребенком: «Вот в этих кирпичах резонировала речь Пушкина. В остатках старых обоев, в остатках вот этой краски остался резонанс речи Пушкина... Кто знает, может, наука дойдет до такой тонкости, что вот из этих атомов, молекул, из этих электронов когда-нибудь можно будет восстановить речь Пушкина, ведь как это было бы поразительно...»

Александр НИЛИН.